

Вернувшись домой, Фэйфэй таинственно прошмыгнул в свою игровую комнату. Он присел на корточки, достал что-то из маленькой коробочки на полке, а затем упаковал в подарочную коробку, которую ему дал Линь Сынянь.

Ручки у малыша были ещё не очень ловкими, поэтому упаковка получилась не такой аккуратной, как у взрослых. Но он старательно, как делают взрослые, завязал на крышке бантик.

Бантик, завязанный детскими пальчиками, казался особенно милым и пухлым.

Когда Фэйфэй вышел из комнаты, держа в руках коробочку, Линь Сынянь с гордостью долго её рассматривал.

Линь Хань в свои двенадцать-тринадцать лет так и не научился завязывать банты. Шнурки на ботинках он просто туго заправлял внутрь, думая, что никто не замечает.

А их Фэйфэй, такой кроха, уже сам умеет упаковывать подарки с бантиком!

Когда Фэйфэй спустился, Линь Цзинли кивнул Линь Сыняню.

— Готовы? Тогда поехали.

Сегодня они ехали на юбилей господина Чу, поэтому семейный автобус Линь остался в гараже.

У входа в ряд выстроились чёрные автомобили, каждый стоимостью в десятки миллионов. Кортёж выглядел внушительно, роскошно и даже вызывающе.

Выйдя из дома, Линь Хань с недоумением посмотрел на отца.

— Это не слишком?..

Ехать на день рождения с такой помпой — это было не в стиле их семьи, которая всегда предпочитала скромность.

Линь Цзинли покачал головой.

— В самый раз.

Видя, что сын всё ещё не понимает, он, убедившись, что малыш отошёл достаточно далеко, пояснил:

— Смысл этого юбилея иной. Мы едем, чтобы поддержать господина Чу. Поэтому чем внушительнее мы будем выглядеть, тем лучше. «Ты мне — деревянный плод, я тебе — драгоценный нефрит. И дело не в обмене, а в вечной дружбе». Если господин Чу в своё время, пойдя против всех, помог семье Линь в самый трудный момент, то теперь наш долг — ясно показать свою позицию и поддержать его и его юного внука, Чу Сяоханя.

Линь Ханю уже было достаточно лет, чтобы понимать такие вещи, поэтому Линь Цзинли спокойно и методично всё ему объяснил.

Выслушав, Линь Хань задумчиво кивнул и с сочувствием произнёс:

— Это почти как в древности. Старый император, чьи сыновья оказались ни на что не годными, назначает своим преемником внука. А теперь, чувствуя, что здоровье его подводит, он беспокоится о том, как юный наследник будет противостоять дядям-узурпаторам и жаждущим власти министрам.

Линь Цзинли усмехнулся.

— Можешь понимать и так.

Но у Линь Ханя оставался ещё один вопрос.

— А разве дедушка Чу не был здоров? В прошлый раз, когда он играл в го с дедушкой, он уверенно говорил, что проживёт ещё как минимум лет двадцать, чтобы увидеть, как вырастет Сяохань. Как его здоровье могло так резко ухудшиться?

Линь Цзинли, стоя у входа, прищурился, глядя на слепящее солнце.

— Вернулись вести о его младшей дочери, той, что сбежала с возлюбленным. Вся семья — она, её муж и двое внуков, которых господин Чу никогда не видел, — погибла в автокатастрофе по дороге к нему. Они ехали просить прощения.

Господин Чу, который на словах так и не простил дочь, в день её возвращения тайно велел поварам приготовить её любимые блюда.

Когда пришло известие о трагедии, старик просидел один за накрытым столом до самого рассвета. С тех пор его здоровье пошло на спад.

В своё время, до рождения Чу Сяоханя, именно эта умная и бойкая младшая дочь была его

любимицей. Он даже подумывал о том, чтобы она, выйдя замуж, оставила мужа в семье и унаследовала семейное дело.

Любовь была сильна, но и обида — глубока. Все эти годы господин Чу не мог её простить, потому что был слишком сильно ранен.

Прошло много лет. Время сгладило острые углы бунтарского характера девушки, и отношения между отцом и дочерью, казалось, начали налаживаться. Но эта трагедия нанесла смертельный удар.

Этот удар сломил старика, который всю жизнь был негибачем.

Единственное, что ещё держало его на этом свете, — беспокойство о Чу Сяохане.

Если бы он знал, чем всё обернётся, возможно, он оставил бы внука с родителями. Жизнь у него была бы не такой блестящей, но, по крайней мере, он вырос бы в спокойствии.

— Не говори об этом Фэйфэю, — после тяжёлой паузы попросил Линь Хань.

Линь Цзинли кивнул.

Мир взрослых, с его жизнью и смертью, не для детей.

Да и Чу Сяохань был вынужден повзрослеть слишком рано. В этом смысле нельзя сказать, что господин Чу был во всём прав.

— Дядя, мы уже можем ехать к братику Сяоханю? — подбежал к ним Фэйфэй, сжимая в руках подарочную коробку.

Линь Цзинли кивнул.

— Можем. Фэйфэй, садись в машину.

Оба, словно по уговору, больше не возвращались к тяжёлой теме. Они с улыбкой смотрели, как малыш сам открывает дверь машины и забирается в своё детское кресло.

— Пап, знаешь, после твоего рассказа я вдруг особенно остро ощутил, как нам повезло, что дедушка, старший дедушка и третий дедушка так дружны. И как повезло, что у нас есть ты и дядя. В будущем мы с Фэйфэем, Линь И, Линь Ци, Линь Линем и Линь Яо будем ещё дружнее, — с неожиданной сентиментальностью сказал Линь Хань и, не глядя больше на отца, сел в машину к Фэйфэю.

Все расселись по машинам, и кортеж тронулся в сторону семьи Чу.

В это время в доме семьи Чу.

Господин Чу смотрел на Чу Сяоханя.

— Сяохань, сможешь дедушке встретить гостей у входа? Ты ведь запомнил всех, кого я показывал тебе на фотографиях?

Чу Сяохань, не меняясь в лице, после долгой паузы под настойчивым взглядом деда кивнул:

— Я запомнил.

Гости, прибывавшие на юбилей, с удивлением обнаруживали, что у входа их встречают не сыновья господина Чу и не нанятый персонал, а маленький мальчик.

Чу Сяохань брал у каждого приглашение, безошибочно узнавал гостя и вежливо приветствовал: «Дядя Ли», «Дядя Ван», «Дедушка Чжао».

Начало праздника проходило в довольно странной атмосфере.

Так продолжалось до прибытия семьи Линь.

Фэйфэй первым выскочил из машины. Он издали увидел Чу Сяоханя. Обычно тот тоже был серьёзным и невозмутимым, но сейчас Фэйфэй почувствовал, что он несчастен.

Несчастен до такой степени, что вот-вот расплачется.

Увидев такого Чу Сяоханя, Фэйфэй забыл даже о подарке для господина Чу. Он подбежал и крепко обнял его.

— Братик Сяохань! — малыш вцепился в него и не отпускал.

Остальные, не чувствовавшие того, что чувствовал Фэйфэй, умилились. Какая крепкая дружба у мальчишек, всего несколько часов после садика не виделись, а уже так соскучились.

Только семья Линь, знавшая своего Фэйфэя, понимала: даже если ему ничего не говорили, он, со своей чувствительной душой, всё равно всё ощущал.

Как и в прошлый раз с Линь Сынянем, когда все ещё не успели ничего понять, малыш уже

плакал и искал папу.

Чу Сяохань тоже обнял его и похлопал по спине.

— Проходите внутрь, дедушка вас ждёт.

— Братик Сяохань, Фэйфэй останется с тобой, — сказал малыш, не желая отходить от него ни на шаг.

У входа в дом семьи Чу разыгралась необычная сцена: двое детей стали встречать гостей. Один называл имена и проверял приглашения, другой протягивал ручки, чтобы забирать подарки.

Лёгкие подарки Фэйфэй сам относил на стол, а тяжёлые они с Чу Сяоханем несли вместе, аккуратно складывая их в ожидании официального начала праздника, когда их можно будет передать господину Чу.

Это была старая традиция семьи Чу. Предыдущий глава семьи, устав от того, что на его дни рождения гости, желая выслужиться, дарили слишком дорогие подарки, установил такое правило. Его целью было просто отпраздновать в кругу друзей, а подарки были не важны, главное — внимание.

Чтобы избавить людей, которые, в надежде на его благосклонность, тратили последние деньги на дорогие подарки и в итоге оставались ни с чем, он и ввёл это правило.

Подарки можно оставлять на столе у входа. Ценность не имеет значения, можно хоть просто лист бумаги положить.

Разумеется, это не касалось близких друзей, для которых после официальной части устраивался отдельный, более узкий банкет.

Фэйфэй упорно не хотел отходить от Чу Сяоханя, и Линь Сыняню с остальными ничего не оставалось, как пройти внутрь, чтобы поздороваться с господином Чу, оставив Линь Ханя присматривать за детьми.

— Дядя, подарки сюда, — сказал Фэйфэй, подняв голову на мужчину средних лет, который собирался пройти мимо.

Тот поначалу и вовсе не обратил внимания на стоявших у входа детей. Он никогда не видел, чтобы на юбилее такого уровня гостей встречали дети.

В душе у него даже зародилось недовольство. Люди со всей искренностью приехали поздравить старика, а их встречают какие-то мальчишки. Это же неуважение!

Могли бы хотя бы взрослого поставить.

Он промолчал, но и Фэйфэй молча смотрел на него.

Мужчина уже собрался было пройти внутрь, как его спутник тронул его за руку, отобрал подарок и, с улыбкой наклонившись к Фэйфэйю, сказал:

— Малыш, этот дядя просто не расслышал. Вот подарок, пожалуйста, передай его господину Чу.

Фэйфэй кивнул и принял подарок.

— Фэйфэй всё аккуратно сложит.

После этого спутник раздражённо повёл мужчину за собой, тихо отчитывая его на ходу:

— Ты совсем без глаз? Разве обычные дети могут встречать гостей у входа в дом семьи Чу? То, что эти двое здесь стоят, — уже великая честь для тебя. Тот, что постарше, — внук господина Чу, его готовят в наследники. Семья Чу в будущем, возможно, будет принадлежать ему. А тот, что поменьше, — внук семьи Линь. Ты не был на его дне рождения, так я тебе скажу: вся семья Линь в нём души не чает, носятся с ним как с писаной торбой. Если бы я тебя вовремя не оттащил, вон тот, постарше, уже подошёл бы! Ты можешь себе позволить с ним связываться? Потом не жалуйся, когда проблемы начнутся! Если ещё раз будешь таким недалёковидным, я тебя больше ни на одно мероприятие не возьму!

Мужчина только и мог, что извиняться, твердя, что он ничего не знал, был слеп и умоляя своего более молодого спутника не сердиться.

После долгой тирады тот наконец немного остыл.

Линь Хань, наблюдавший за этой сценой, убрал ногу, которой уже собирался сделать шаг вперёд. «Что ж, хоть кто-то здесь сообразительный».

<http://bllate.org/book/13654/1597593>